

Подсказка из прошлого

Татьяна
Лисицына

Татьяна Лисицына

Подсказка из прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69834094

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда Элизабет приезжает в Москву чтобы решить наследственное дело со старинным домом, с ней начинают происходить странные вещи. Она знает расположение комнат в усадьбе, в которой никогда не была, ей знакомо лицо бывшего владельца дома, жившего здесь более ста лет назад. Ко всему прочему главная героиня неожиданно и страстно влюбляется в другого претендента на наследство, а когда его убивают, решается на собственное расследование, которое меняет её жизнь.

Содержание

Глава 1	4
Глава2	25
Глава 3	38
Глава 4	54
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Татьяна Лисицына

Подсказка из прошлого

Глава 1

Когда я, послав гордость к черту, позвонила Андрею, его уже не было в этом мире. Знать я тогда этого не могла, поэтому, выслушав серию гудков, отбросила мобильный в сторону и поспешно оделась, решив прогуляться.

Почему Андрей не взял трубку? Не захотел со мной разговаривать? Или не смог? Если не смог, перезвонит. Я проверила входящие и зашагала по Малой Бронной к Патриаршим прудам. Сделав пару кругов, и, ошалеv от подвыпившей молодежи оккупироваvшей все скамейки, я вернулась к отелю «Марко Поло» и уселась в баре на улице. Здесь было тихо уютно дорого. Так, как я привыкла. Я заказала Уокера и подумала, что, пока пью, Андрей обязательно перезвонит, и я извинюсь за то, что отменила встречу. Не успела я сделать и глоточка, как увидела идущего по улице отца. Тут же захотелось, как маленькой спрятаться под стол, чтобы избежать нотаций, что я сижу в баре и выпиваю в одиночестве. Стоп! Я же большая девочка. Сорокалетняя. И я уже изменилась и решила, что больше никогда не попаду под его влияние. Решить одно, сделать другое. На всякий случай я немного на-

клонилась к вазону с цветами, чтобы меня не было заметно с улицы. Не хотелось снова выслушивать, что Андрей, в которого я втрескалась по уши, всего лишь охмуривший меня негодяй. Уверенной походкой отец прошагал в холл отеля. Я сделала большой глоток вискаря и попыталась расслабиться.

Проснувшись утром – спала я после Уокера неплохо – снова набрала номер Андрея. Вот не такой он человек, чтобы обидеться настолько, чтобы не отвечать на звонки. Тишина. Уже окончательно запаниковав, позвонила на домашний и узнала от бабы Насти, что Андрея застрелили во время дежурства. Я мгновенно ощутила свою вину, несмотря на то, была далеко от места происшествия. Но именно в этот вечер я не захотела с ним встретиться, и он вышел на замену другого сторожа. Ненавижу себя за то что никакой причины не было. Просто утром приехал отец, и всё как-то помимо моей воли пошло наперекосяк, словно то, чему я думала, что научилась, оказалось лишь моими домыслами. Знакомый пронзительный взгляд отца вновь превратил взрослую женщину в маленькую послушную девочку, которая вместо запланированной встречи с Андреем пошла с отцом в ресторан. Выслушав прерываемый всхлипываниями, рассказ бабы Насти я зарылась в подушку. Воспоминания накатывали так же быстро, как слёзы.

Я оказалась в Москве, чтобы решить вопрос о наследовании принадлежащего еще до революции нашей семье ста-

ринного особняка. Гостиница «Марко Поло», в которой мне забронировали номер, оказалась неподалеку. Наскоро приняв душ и переодевшись, я поспешила на улицу. Мне не терпелось увидеть Москву. Город, о котором я столько слышала, читала и в котором родилась и жила в молодости моя обожаемая, так рано ушедшая из жизни, мама. Мне казалось, что я всю свою жизнь стремилась сюда, но стоило мне только заикнуться о поездке, как отец находил десятки предлогов, чтобы её отложить. И вот, наконец, судьба смилостивилась надо мной. У него было назначено слишком много встреч Париже, чтобы поехать самому.

Улица показалась мне смутно знакомой, словно я когда-то здесь бывала. Я непроизвольно ускорила шаг, чувствуя стеснение в груди. Через пару минут застыла перед старинным особняком. «Этого не может быть! – пробормотала я. – Но я уже видела этот дом с узкими окнами и цветными витражами. Он не похож ни на один другой, и его сложно назвать красивым. Разве что необычным и вызывающим». Я обошла его и оказалась возле парадного входа. И тут началось. Словно провалившись в прошлое, я совершенно ясно услышала стук колёс невидимого экипажа и шуршание складок своего длинного платья. Мужчина с бородкой помог мне выйти. Рука об руку мы поднялись по каменным ступеням.

Да что же это такое?! Просто какая-то мистика. Неожиданно мой взгляд упёрся в табличку, которую я до сих пор по непонятным причинам не заметила. «Дом-музей писателя

Александра Конькова». Не может быть! Тот самый дом, из-за которого я приехала. Наследство, из-за которого разгорелись споры. Я огляделась. Через дорогу от меня на площади гордо устремлялся в голубое небо одноглавый храм. Ощущение того, что я здесь была, усилилось. Я почти бегом побежала к церкви и схватилась за тяжелую ручку. Дверь поддалась, и я вошла в полутемный заполненный цветами холл. Только потом я поняла, что нарушила все приличия. Мало того, что я была в брюках, так ещё и с неприкрытой головой. Но даже если кто и смотрел на меня с неодобрением, мне было всё равно, настолько я была поглощена своими ощущениями. Какие-то неясные образы роились в моей голове, которые я пыталась ухватить, но у меня ничего не получалось. Ноги поднесли меня к иконе Богородицы, а губы зашевелились в молитве. Поймав себя на этом, я вновь испытала потрясение. Я не верила в Бога и не знала слов молитвы «Отче наш». Тем более на русском языке. Я наблюдала за собой словно со стороны, и моя рука, отдельно действующая от меня, привычно перекрестилась.

Добравшись до скамьи, я села и почувствовала слёзы на щеках. Не помню, когда я плакала последний раз. Что-то происходило со мной. Но всё это уже было, было когда-то. Тогда здесь было много народу, а сейчас почти никого. Но, собственно, кому сейчас верить в Бога? Да и зачем, если есть новый Бог, за которого схватились русские после перестрой-

ки. Золотой телец. И деньги вместо молитвы. Я сама такая. Всегда считала что вера – удел слабых, тех, кто не может справиться с жизнью самостоятельно. Но видимо когда-то я думала иначе. Иначе откуда в моей памяти столько лет хранилась молитва «Отче наш».

– Мы закрываемся, – услышала я голос.

Передо мной старушка в платочке. Захваченная в плен своими новыми ощущениями, я не слышала её шагов. В выцветших голубых глазах светились доброта и понимание. Я почувствовала, что она верит в Бога. Верит по-настоящему.

– Приходи завтра с утра на службу, – тихо сказала она. – А потом на исповедь. Покаешься, легче будет. Только не ешь ничего с утра.

Я молча кивнула, зная, что приду сюда ещё не раз. Вышла на улицу и снова направилась к особняку, пытаюсь разобраться, что же со мной происходит. Зазвонивший телефон вернул меня в реальность.

– Элоиза, ты уже на месте? – услышала я голос отца. Связь была такой хорошей, словно он говорил не из Парижа, а находился на соседней улице. – Как долетела? Как гостиница? Тебя поселили в том люксе, который я заказывал? – Не слушая моих ответов, он как обычно забрасывал меня вопросами, на которые сам и отвечал. Такая форма общения сложилась ещё с детства.

– Да, всё хорошо.

– Хотелось бы мне знать, что там может быть хорошего в этой Москве?– проворчал он. – Номер хотя бы чистый? А то у русских никакого сервиса.

– Да, конечно.

Ненависть моего отца к России меня поражала. Мой дед, Петушинский Фёдор Васильевич, умер, когда отцу было десять лет, и его воспитанием занимался дядя, Петушинский Сергей Фёдорович, который до конца своей жизни сохранил обиду на Степана, к которому был сильно привязан. Он не мог понять, как его младший брат осмелился пойти против семьи и всем сердцем принять революцию.

– Завтра позвони адвокату и постарайся прижать этого подлеца к ногтю. У него нет никаких прав.

– Да, хорошо.

– И будь, пожалуйста, твёрдой. Ты вечно мямлишь. В конце концов, ты моя дочь. Единственная наследница нашей империи. Помни об этом.

Отец бросил трубку, а я, не дождавшись зелёного сигнала, перешла дорогу. Прошлое исчезло. Я снова была Элоизой, знавшей французский лучше своего родного языка. Зато закончилось раздвоение. Отцу, как всегда, удалось вернуть меня с небес на землю, вновь напомнив, какое я ничтожество.

Я подошла к особняку и стала изучать табличку. Музей писателя Алексея Конькова. Часы работы. Конечно, музей давно закрылся, если, вообще, работал. Неожиданно к ограде с той стороны подошёл молодой человек. Наверно, он сто-

ял где-то поблизости, судя по тому, что его сигарета оказалась почти выкурена.

– Здравствуйте, – молодой человек улыбнулся. – Я заметил вас, когда вы подходили сюда еще первый раз. – Я удивилась, не зная, как реагировать на то, что за моим странным поведением кто-то наблюдал. – Куда вы потом пошли?

Он говорил так, словно мы были знакомы, и мне это показалось странным. Я внимательно посмотрела на него. Русые волосы спускались на лоб кудрявой челкой, большой нос правильной формы, легкая, как любят говорить сейчас, сексуальная небритость. Черная выглаженная футболка обтягивала широкие плечи.

– Ходила в церковь, – ответила я.

– Вы откуда приехали? Акцент у вас.

– Из Франции.

– А вы хорошо говорите по-русски. Долго учили язык?

– Нет ... – Я замялась. Не хотелось рассказывать о себе. – Некоторые мои родственники жили в России.

– Простите. Я не буду задавать вопросов. Только один, – он засмеялся, и я почувствовала, как губы против моей воли тоже складываются в улыбку. – Вам, наверно, понравился этот дом, раз вы вернулись.

– Он необычный. Жаль, что закрыто. Я бы с удовольствием зашла внутрь. Ну, может быть, приду завтра.

– А хотите, – в его голубых глазах засветился озорной огонёк, – хотите, я проведу вас сегодня?

– Вы... меня...? Но как?

Он усмехнулся.

– Считайте, что я сторож этого музея, – Он открыл калитку. – Проходите. Только для вас и сегодня: персональная экскурсия.

Я замешкалась. Как-то всё это было странно. Зачем он это предложил? А не убьёт ли он меня в этом доме? У меня кольцо на пальце с бриллиантом и деньги в сумке. Немного денег, но всё равно. Отец предупреждал, что в Москве и за сотню долларов убить могут.

– Да не бойтесь вы, – он слегка коснулся до моей руки. – Давайте познакомимся. Меня зовут Андрей. А вас?

– Элоиза.

– Красивое имя. – Он слегка нахмурил брови, что-то вспоминая. – Ну, конечно. Элоиза и Абельяр. Французские Ромео и Джульетта.

Честно говоря, я удивилась, что сторож музея столь начитан. Даже у моих соотечественников такой ассоциации не возникало. А ведь моя романтическая мамочка назвала меня в честь этой Элоизы. До самой маминой смерти мы жили на набережной цветов рядом с Нотр Дамом. Из наших окон виднелись мрачные башни собора и вечно кружащие над ними черные птицы. Не знаю почему, но эти птицы и башни в детстве пугали меня. А мама часто выходила на маленький французский балкончик и, облокотившись на перила, замирала, глядя вдаль. Мама обожала Париж, знала, кто жил

и в каком доме. Я как сейчас слышу ее слегка хрипловатый голос, рассказывающий историю любви молодого ученого Абеляра, преподававшего умнице Элоизе не только латынь, но и любовные уроки.

– Уж не знаю, чья история печальнее, – заметил Андрей. – Ромео умер от яда, Абеляра оскотил оскорблённый дядюшка. Вы как думаете?

– Не каждый из мужчин сможет прожить без столь необходимого органа, – заметила я, покраснев от собственной шуточки.

Андрей совершенно серьезно посмотрел на меня.

– Я все же предпочел бы жизнь. Уж очень я ее люблю.

– Даже без органа? – зачем-то уточнила я.

Андрей кивнул и рассмеялся.

А я, вдруг почувствовав себя легко и свободно, как давно не чувствовала, заметила:

– Мне всегда казалось, что дядюшка не рассчитывал на приданое Элоизы, как это везде написано, а был в нее влюблен.

Андрей с приторной задумчивостью почесал макушку.

– А знаете, Элоиза, мне кажется, вы правы. Но тогда история приобретает иной смысл. И это обязательно нужно внести в путеводитель. А то несправедливо выходит: останки влюбленных соединили, влюбленные пары совершают паломничества на их могилы, а настоящая история известна только вам.

– Хорошо, когда я вернусь в Париж, обещаю вам это исправить.

– Договорились, Лиза. Ведь вы же позволите мне так вас называть?

Лизой называла меня только мама. И его слова были словно приветом от неё. И эта история тоже. Мамочка моя говорила, что я обязательно должна тоже прийти на могилы Элоизы и Абеляра с тем, кого по-настоящему люблю. Да вот только как-то до сих пор не сложилась наша встреча.

– Называйте, если вам так больше нравится, – ответила я, заходя в калитку и останавливаясь возле клумбы с лиловыми ирисами.

Андрей принял позу экскурсовода.

– Прежде чем мы войдём, мне бы хотелось вам историю дома.

Боюсь, что историю я могла бы рассказать лучше него, но мне не хотелось обижать нового знакомого. Он начал с того, что в самом конце девятнадцатого века мой заказал знаменитому в то время архитектору построить этот дом. Какое-то время он жил здесь со своей женой. Потом произошла революция, родные мои эмигрировали во Францию

– Вы меня слушаете?

– Да, просто засмотрелась на вас, – вдруг сорвалось с моих губ, прежде чем успела сообразить. «Вот дура, – обругала я себя. Теперь этот симпатичный парень подумает, что я положила на него глаз». – Мне, кажется, вы похожи на Есени-

на, – сказала я очередную банальную фразу, за которую мысленно себя растерзала.

– Несколько раз слышал об этом. – Он улыбнулся. – Умолкаю, чтобы вас больше не утомлять. Я просто знаете, очень люблю этот дом. Сейчас решается его судьба. И, может быть, через пару лет здесь будет банк или что-нибудь ещё, и он не будет доступен для посещения. Так что вам повезло, что вы можете сюда попасть.

И снова в моём мозгу не произошло никаких ассоциаций. Я должна была догадаться, кто он. Если бы я отказалась войти в музей, позже мы бы встретились у адвоката, и всё было бы иначе. Но судьба исправила ошибку отца, воспитавшего меня материальной потребительницей, она пересекла наши дороги с Андреем и сказала: «Смотри, а ведь можно жить иначе. Можно плевать на деньги, любить жизнь и быть счастливым. Смотри: где ты и где он. Он – человек, а ты бездушное животное, покорно идущее на дорогом поводке своего отца».

Мы зашли в дом. В маленькой комнатке, вероятно, это считалось вотчиной сторожа, был накрыт стол. Нарезка колбасы, солёные огурчики, чёрный хлеб. Типично русская закуска. Ну и, конечно, бутылка водки. У прямоугольного стола, занимавшего больше половины помещения, сидел мужчина лет пятидесяти. Я сделала шаг назад больше от неожиданности, чем от страха.

– Не пугайтесь, – Андрей поймал меня за локоть. – Это и есть сторож музея. Александр Петрович.

Мужчина с поредевшими зачесанными назад волосами чуть приподнялся из-за стола и протянул мне руку. Я ответила на рукопожатие, отметив про себя, что мужчине подавать первым руку даме, неприлично.

– Это Лиза, – представил меня Андрей. – Она только сегодня приехала из Парижа. Я обещал показать ей музей, если ты не против.

Мужчина пожал плечами.

– Конечно, идите. – Он потянулся к бутылке. – Не желаете сначала выпить для храбрости? А то здесь призраки прошлого появляются.

– Не пугай девушку, дядя Саша. – Андрей взял меня за локоть. – Идёмте.

Он подтолкнул меня вперёд, и я, пройдя по коридору, попала в большую гостиную с арочными окнами. Посередине комнаты большой круглый стол, на котором стояла одна чашка. Того самого пролетарского писателя, которому и предложили пожить в этом доме. Кстати, этот дом ему не нравился, он даже никогда не поднимался на второй этаж. Всё это рассказывал мне Андрей.

Я огляделась, и у меня снова возникло это уже пугающее меня дежвю. Я совершенно точно была в этой гостиной. Только тогда здесь всё было по-другому. Интерьер полностью изменён. Я жадно оглядывала обстановку, пытаюсь най-

ти что-то знакомое. Воспоминания витали где-то рядом.

Я прислонилась к стене и закрыла на секунду глаза. Услышала музыку и увидела себя в бальном платье. Мужчина с остроконечной бородкой уверенно вёл меня в туре вальса.

– Что с вами? Вам нехорошо?

– Нет, всё в порядке. Просто со мной что-то странное сегодня происходит. Идёмте дальше.

– Нет, подождите. Скажите, что вы почувствовали. Это важно.

Я посмотрела на Андрея. Его глаза так близко от меня и так участливы. Не так-то просто попробовать притвориться, что ничего не произошло.

– Просто дежавю. Такое бывает. – Я пожала плечами. – Мне показалось, что я уже была в этом доме. Только тогда здесь была другая мебель. – Андрей не отрывал от меня глаз, никак не комментируя мои слова. – Не смотрите на меня так. Наверно, мне просто показалось.

Так, и не сказав ни слова, он вышел, а я снова стала рассматривать гостиную. Как же тогда здесь всё располагалось?

Андрей вернулся с листком бумаги и ручкой.

– Нарисуйте план дома.

– Но как я могу? Ведь вы мне его ещё не показывали.

– Но вы же были здесь. Садитесь сюда.

Он убрал верёвку, которая была натянута, чтобы любопытные посетители не трогали вещи писателя и не сидели на стульях и диванах.

Я покачала головой, хотя и усаживаясь за стол.

– Попробуйте, прошу вас. Возьмите ручку и рисуйте. Всё, что придёт в голову.

– Но зачем?

Он серьёзно посмотрел на меня.

– Потом объясню.

Я взяла ручку и начала рисовать план этой гостиной, из неё шла другая комната, там располагался камин. Я любила сидеть у него и смотреть на огонь. Здесь же, на первом этаже рабочий кабинет. По витой лестнице мы поднимались на второй этаж. Там ещё две комнаты. Моя рука дрожала, линии получались неровными. Так, кажется всё. Я отложила ручку. Нет, не всё. Здесь ещё что-то было. Я задумалась. Андрей стоял спиной ко мне и смотрел в окно. Другой мужчина когда-то тоже стоял ко мне спиной и смотрел в окно. Кажется, мы тогда поссорились, и я ушла, чтобы помолиться за нас. В этот момент я вспомнила, что было на третьем этаже. Молельная. Комната с куполообразным потолком, как в церкви.

Андрей повернулся ко мне.

– Ну что, получилось?

Я протянула ему листок. Он побледнел и некоторое время молча смотрел на план, потом поднял глаза на меня.

– Но это же точный план дома. А что это такое? – он ткнул пальцем в камин, который я нарисовала прямоугольником.

– Камин.

– Идёмте туда.

Я вскочила со стула и побежала за ним. Тот самый камин. Я не могла ошибиться.

– Это единственная вещь в доме, которая осталась от Петушинских, – глухо сказал Андрей, избегая смотреть мне в глаза. Мне показалось, что ему стало страшно. Я тоже дрожала.

– Как это могло случиться? Сначала церковь, потом этот дом? – я чувствовала, что мой голос звучал жалобно. – Вы хотели объяснить.

– Чуть позже.

Когда мы обошли всё, сомнения исчезли. Я знала этот дом. Но здесь не жила. Здесь жил какой-то человек, который был мне близок. Я приходила сюда в гости.

– Что скажете, Лиза?

– Давайте поднимемся в молельную.

– Ах, да. – Андрей покачал головой. – Я совсем забыл. Там теперь всё изменилось.

Мы поднялись по крутой лестнице, и Андрей открыл передо мной дверь.

– Заходите первой.

Я сделала два шага и остановилась. Все иконы исчезли. Вместо них на стендах развешаны портреты семьи Петушинских. Единственное место в музее, где упоминалось о прежних владельцах. Всё остальное посвящено писателю. Я подошла ближе. Одна фотография упала к моим ногам, словно

кто-то невидимый хотел напомнить о себе. Я так разволновалась, что даже не могла нагнуться, чтобы поднять её. Моё сердце выскакивало из груди.

– Что это такое? – пробормотал Андрей и нагнулся за портретом. – Почему он упал?

Я осмелилась посмотреть на фото. На меня смотрели ЕГО глаза, глаза мужчины, который снился мне по ночам. Сон был один и тот же. Он говорил «иди ко мне» и протягивал руки. Потом я просыпалась. Я думала, что он существует на самом деле, и всю жизнь подсознательно искала ЕГО. Наверно, поэтому и до сих пор не замужем. Как можно встретить мужчину, который уже умер? Только во сне.

– Смотрите, гвоздик отогнулся, – заметил Андрей. – Надо сходить за молотком. Подержите, – он протянул мне фото. – Это Степан, один из сыновей Петушинских. Единственный, кто не уехал во Францию.

Я не могла оторвать глаз от портрета. Степан. Значит, этот тот самый изменник, имя которого старались не упоминать в нашей семье. Мой дядя, посвятивший свою жизнь революции. Я вглядывалась в портрет.

– Схожу за молотком, – сказал мне Андрей.

Оставшись одна, я снова подошла к стенду и стала рассматривать другие фотографии. Здесь оказался портрет моего прадеда и моего деда с первой женой. Я с трепетом вглядывалась в лица, больше знакомые мне по фотографиям в семейном альбоме. Мой дед Фёдор умер, когда моему отцу бы-

ло всего десять лет, поэтому я его не знала. В моей жизни так сложилось, что я вообще была лишена бабушек и дедушек. Мой отец не любил, когда мама ездила в Москву к своим родным и, в конце концов, она смирилась. Смирилась и через несколько лет ушла из жизни, потому что не видела в ней больше смысла.

Мой взгляд снова упал на портрет Степана, и у меня появилась мысль, что я его знаю не только по моим снам. Я видела разрозненные картины, суть которых никак не могла уловить. Я опустила на стул и закрыла глаза. Нужно всё вспомнить. Воспоминания мелькали слишком быстро. Андрей остановился на пороге. Наверно, я выглядела странно, потому что он снова спросил:

– Вы в порядке?

– Да, вполне.

– Хорошо, давайте мне портрет, я повешу его на место.

Мне бы хотелось оставить его у себя, чтобы попытаться вспомнить это проклятое прошлое, вторгнувшееся в мою такую спокойную и размеренную жизнь. Идея возникла, пока я наблюдала за широкой спиной Андрея, возящегося у стенда.

– Можно я сфотографирую портрет? – спросила я, когда фото Степана висело на месте.

– Конечно, – Андрей улыбнулся. – Нет, подождите. Насколько я помню, фотосъёмка стоит сто рублей.

– Да, пожалуйста.

Я полезла за кошельком. Подумаешь сто рублей? Да я бы и сто долларов заплатила.

– Шутка. Я просто хотел немного отвлечь вас. Вы выглядите очень серьёзной.

– Глупая шутка. – Я всё ещё держала в одной руке фотоаппарат, а в другой сторублёвую купюру.

Андрей зажёл ещё одну лампу.

– Уберите деньги и фотографируйте.

Я бросила сто рублей обратно в сумку. Остряк. Знал бы он, что я чувствую. Какое отношение могла иметь я, родная дочь моего отца, к этому человеку, которого вся наша семья заклемила, как предателя?

– Давайте уйдём отсюда. Этот дом водит меня с ума.

– Не вас одну. – Андрей взял меня за руку. – Если вы когда-нибудь надумаете поделиться своими мыслями, пусть они даже будут казаться вам бредовыми, я вас выслушаю.

Его тёплая ладонь согревала мою. Мне вообще хотелось, чтобы он меня обнял. Обнял и увёл из этого прошлого. Андрей не был призраком, он был реальным человеком, человеком, которому можно рассказать всё. Он всё поймёт. Я видела его душу насквозь, и она была прекрасна. И всё же моё воспитание и природная замкнутость не позволяли откровенничать с незнакомыми людьми.

– Спасибо вам за экскурсию. Мне уже пора.

– Вы торопитесь?

На его лице появилось разочарование.

– На самом деле нет. Но вас там ждёт этот... сторож.

– У меня есть идея. Рюмка водки не повредит вам. Мы посидим с ним полчаса, а потом пойдём гулять или я провожу вас в гостиницу. Где вы остановились?

– В «Марко Поло», – с неохотой сказала я. – Мне не хотелось подчёркивать разницу в нашем материальном положении, я боялась испугать его. Но на Андрея это не произвело никакого впечатления. Позже я поняла: он не делал разницы между богатыми и бедными, если ему кто-то был интересен, он с ним общался. Мы же, чёртовы капиталисты, видим в человеке прежде всего банковский счёт. Сколько ты зарабатываешь? Какой у тебя дом и в каком округе он расположен? В какую школу ходят твои дети?

– «Марко Поло» рядом. У нас ещё будет время пройтись по бульварам и сходить на старый Арбат? Хотите?

– Да.

Мы вернулись в помещение сторожа. К счастью, оно не будило во мне никаких воспоминаний. Пахло колбасой и водкой. Уже изрядно захмелевший Александр Петрович шумно обрадовался нашему появлению.

– Ну, наконец-то. А то я уже было подумал, что вас там этот призрак съел.

– Ну, что ты болтаешь, дядя Саша. Сколько раз я тебе говорил, что никаких призраков здесь нет.

Я вспомнила про упавшую к моим ногам фотографию.

– А вы, мадам, не заметили ничего особенного? – как бы

случайно спросил сторож.

– Мне показалось, что я уже здесь была.

– Вы были когда-нибудь в Москве?

В том то и дело, что никогда.

– Александр Петрович удовлетворённо крикнул.

– Вот, видишь, Андрей. Я тебе говорю, в этом доме что-то нечисто.

– Это у тебя от водки, дядя Саша. Ты напиваешься каждое дежурство.

– Ну, не каждое. Просто мне здесь не по себе. Если бы эта работёнка не была так близко к дому, я бы отсюда уволился.

– Ну перестаньте же. Вы Лизу напугали. Давайте лучше выпьем. – Андрей налил всем водки. Мне показалось, что ему не понравилось, что дядя Саша заговорил на эту тему.

– За вас, Лиза. Чтобы ваш приезд в Москву стал незабываемым. Это лучший город во всём мире.

Его тост отвлек меня. Лучший во всём мире? Слышал бы его мой отец.

Я проглотила водку залпом и задумчиво жевала бутерброд, думая о словах Андрея.

– А почему вы считаете, что этот город лучший? – наконец, решилась спросить я.

– Потому что Андрей у нас блаженный, – ответил за него Александр Петрович. – А на самом деле Москва после перестройки стала настоящей клоакой. Кто только сюда не приехал за бабками.

Андрей посмотрел на меня.

– Не верьте ему. Я покажу вам ту Москву, которую люблю.

В центре с каждым домом связана какая-нибудь история.

– Уничтожают твои дома, – бурчал Андрей Петрович. – Строят новые. Хотят денег заработать. Строить на чистом месте выгоднее, чем реконструировать. А то, что детям ничего не останется, никого не волнует. Я вот слышал: в Италии дома не красят современными красками, потому что не хотят разрушать облик вечного города. А у нас всё, что угодно. Везде строительство, как будто после военной разрухи поднимаемся. Все только и думают о деньгах. Только ты у нас такой чудной, что ничего не замечаешь.

– Пусть я чудной, но я счастлив в этом городе и никогда не променяю его ни на какой другой. Я здесь родился и здесь умру. – Он дотронулся до моей руки. – Идёмте, Лиза. Нас ждёт чудесная прогулка. Вы полюбите Москву, я вам это обещаю.

История начинается отсюда. Я решила найти убийцу. И мне нужно найти порядок, то есть последовательность, определить мотивацию и прочее. Но кто я, чтобы заняться этим? Я женщина, которая его любила. А любовь дает права на все. Кстати, я ни разу не сказала Андрею, что люблю его. Жутко боялась, что узнав об этом, он воспользуется этим и бросит меня.

Глава 2

Звонок телефона оборвал мои воспоминания. Отец сказал, что зайдет через десять минут, чтобы пойти на завтрак. Я умылась холодной водой и причесалась. Из зеркала на меня смотрело чужое постаревшее лицо с притаившейся в глазах болью. Приводить себя в порядок было некогда. Открыла дверь отцу, посторонилась.

– Что с тобой? – на суровом неприветливом лице отца не было ни тени сочувствия.

Молча прошли в комнату. Я опустилась в кресло. В горле ком, во рту привкус крови не могу ни слова сказать.

– Да что с тобой, наконец?

Прочистила горло, вздохнула.

– Произошло несчастье, кто-то убил Андрея.

– Откуда узнала?

– Не важно, – я почувствовала, что по щекам всё-таки потекли слёзы. Неужели в своей ненависти отец зашёл так далеко, что ему не жаль единственного внука?

– Ну что ж, – Роман Фёдорович сцепил пальцы, – не могу сказать, что я огорчен так же, как и ты. Видимо, этот мерзавец ещё кому-то перешёл дорогу, но надо констатировать факт, что его смерть значительно всё упрощает. Я думаю, что самое лучшее для нас сейчас уехать. В Париже им будет

трудно нас достать.

Я с болью посмотрела на отца: он выглядел собранным и деловым, словно во время заседания.

– А ты не считаешь, что мы обязаны помочь следствию? В конце концов, Андрей был твоим единственным внуком. Других у тебя не будет.

Губы отца сжались в тонкую полоску.

– О чём ты говоришь?! У моего брата не было родных детей. Уж не знаю, что тебе натрепал этот ублюдок и почему ты ему поверила?

Я снова всхлипнула и отвернулась. Отец протянул мне чистый носовой платок.

– Да что с тобой, Элоиза? Не знаю, что ты там себе навыдумывала, но уверяю тебя: он интересовался тобой только из-за денег. И не будь так глупа, приводи себя в порядок и собирайся. Я иду к себе заказывать билеты.

Голос отца доносился издалека. О чём он? Почему не оставит меня в покое? У меня нет сил разговаривать. Мне кажется, что с момента, когда я слышала, что Андрей мёртв, жизнь остановилась.

Настойчивый голос отца пробился через заторможенное сознание, и смысл, наконец, дошёл до меня. Вернуться домой. Зачем? Чтобы снова стать послушной игрушкой в его

руках, выполнять бесчисленное количество поручений, организовывать званые обеды и следить принимает ли он прописанное врачом лекарство?

Не выйдет. Я стала другой за это время. Совершенно не преследуя такой цели, Андрей научил меня жить. К тому же я должна найти убийцу. Кому, вообще, понадобилось его убивать? У него не было врагов.

– Я не вернусь домой, отец, – тихо, но уверенно говорю я.

– Что, значит, ты не вернёшься домой?

– То и значит, – я смело встретила его стальной взгляд, перед которым с детства трепетала. Надо же, перестала бояться. Хватило двух месяцев, чтобы избавиться от его влияния. – Я хочу остаться в Москве.

– А как же твоя работа? Твои друзья? Я не смогу обходиться без тебя. Ты не можешь так поступить!

Я усмехнулась.

– Это твоя работа, я всего лишь выполняла функции твоего личного помощника. Ты всегда говорил, что я хороший исполнитель, но не имею своих мозгов. Исполнителей сколько угодно. Легко найдёшь замену. А на счёт друзей? Это твои друзья, с которыми я вынуждена общаться, ну а тебе, – скользнула взглядом по его наглаженной рубашке, дорогим запонкам и часам, стоящим целое состояние и добавила то, о чём не могла бы сказать раньше, но часто думала, – тебе давно пора жениться. Я не могу всю жизнь ухаживать за то-

бой.

Мне показалось, что отец задохнётся от гнева. Во всяком случае, из его горла послышались булькающие звуки. Тема личной жизни находилась под запретом ни один десяток лет. После смерти матери, мы жили вдвоём, и, насколько я знаю, у него не было увлечений, несмотря на то, что многие женщины пытались понравиться ему. Но он казался холодным, как льдина, о которую разбивались даже самые красивые и уверенные в себе. Было бы забавно взглянуть на женщину, которой увлёкся бы мой отец.

– Что ты себе позволяешь?! – наконец, выкрикнул он.

– Почему за тридцать лет, которые мы прожили вдвоём, у тебя не появилось желания создать новую семью? Я бы хотела, чтобы кто-нибудь научил тебя улыбаться.

– Ты же знаешь, что я не выношу... – уголок его рта задёргался, и мне стало его жаль. В конце концов, у меня никого нет, кроме этого пожилого мужчины, который по-своему любит меня.

– Знаю, извини, – я дотронулась до его руки, но он поспешно отдёрнул её. В наших отношениях не было места прикосновениям. Он никогда не целовал меня. И раньше мне бы не пришло в голову взять его за руку. Просто Андрей сумел растопить мою ледяную холодность. Общаюсь с ним, я изменилась и сейчас, глядя на отца, ужаснулась, что была точной копией своего родителя. Совершенно правильно, что у меня нет детей. Таким, как я и мой отец, лучше

не оставлять потомства. Несмотря на наше фамильное богатство и прекрасное образование, мы всего лишь душевные уродцы, не любящие никого и ничего, в том числе и себя. Пройдёт ни один десяток лет, пока я научусь любить людей. А мне уже сорок, возраст, больше подходящий для воспитания внуков, чем для вынашивания отпрысков.

– И что ты будешь делать в Москве? – презрительно-насмешливый голос отца отвлек меня от грустной философии.

– Не знаю. – Я не успела подумать, чем буду заниматься. Смешно сказать, но, несмотря на работу в компании отца я, кажется, ничего не умею.

– Ты так себя так ведёшь, потому что считаешь, что у тебя есть деньги. А если, я скажу, что лишу тебя наследства? – в голосе отца зазвучали металлические нотки. – Ты же знаешь, что у тебя нет своих счетов. Всегда боялся, что какой-нибудь олух воспользуется твоей доверчивостью и охмурит тебя.

Сейчас он затронул тему, которую не выносила я. В свои сорок лет ни разу не была замужем, да и уж, наверно, и не выйду. Слишком поздно, чтобы приноровиться к другому человеку. К тому же вряд ли судьба ещё порадует меня встречей с кем-то подобным Андрею.

– Ну, как видишь, олуха не нашлось, – как можно спокойнее сказала я.

– Но у тебя нет своих денег, Элоиза. Не думай, что если ты решишь остаться в Москве и бросить меня, я буду содер-

жать тебя. Сама, значит, сама.

Я рассмеялась, хотя, наверно, мой смех прозвучал сродни рыданию. Кажется, к сорока годам женщине положено реализовать себя на работе, иметь взрослых детей и солидного мужа. Конечно, что-то может отсутствовать, но чтобы, как я, не иметь абсолютно ничего? Даже денег, в наличии которых мне бы и в голову не пришло когда-либо сомневаться. Какая же я дура, что позволяла отцу контролировать мою жизнь.

– Не понимаю причины твоего смеха?

Я встала с кресла. Откуда-то у меня появились силы, и я твёрдо решила, что останусь здесь и найду убийцу Андрея.

– Мне, кажется, нам уже не о чем разговаривать, отец. Ты уезжаешь, я остаюсь.

– Какая же ты идиотка! Впрочем, счастливо оставаться.

Отец вышел из комнаты с прямой спиной, не удостоив меня даже взглядом, словно я была одним из его партнёров, с которыми он безжалостно расставался, стоило им совершить какой-нибудь промах.

Наскоро одевшись, я свернула в ближайший переулок, еле сдерживаясь, чтобы не побежать бегом. Впервые осмелилась послушаться своего родителя, впервые сделала свой выбор. Вы можете смеяться. Кто-то умеет поступать по-своему с ма-

лолетства, а кто-то проживает лучшие годы под гнётом отца. Ну что ж?! Говорят, что в сорок лет жизнь только начинается. И некоторое время назад я могла бы с этим согласиться, но сейчас, когда Андрея нет, все кажется бессмысленным и пустым.

Андрей! До сих пор не верится, что это могло произойти с тобой. С тобой, так любящим жизнь, как дай бог каждому. Как правило, люди редко довольны. Мы всегда хотим большего: больше денег, больше любви, больше развлечений. Нам не приходит в голову, что счастье вовсе не в этом. Мы не умеем получать удовольствие от начала нового дня, не обращать внимания на погоду или на то, есть ли с тобой рядом кто-то, разделяющий твоё одиночество. Это не главное. Наступило утро – и ты живёшь. Слишком просто, чтобы говорить об этом, и слишком сложно, чтобы однажды проснуться и почувствовать себя счастливым, несмотря ни на что.

Мысль, что я когда-нибудь останусь без денег, никогда не приходила мне в голову. Моя семья, ещё с позапрошлого века считалась состоятельной. Когда в России произошла революция, дед успел переправить свои капиталы во Францию. Мама мечтала вернуться в Москву. Отец, считая себя французом, потому что родился в Париже, ненавидел Россию всем своим сердцем, и для этого была особая причина. Причина, из-за которой в нашей, известной своим первым

в России банкирским домом, в семье Петушинских произошёл раскол.

Я огляделась. Куда же я иду, не разбирая дороги? Меня не покидало ощущение, что я должна что-то сделать. Высветившаяся передо мной вывеска «Райффайзен банк» направила мои мысли в нужное русло. Деньги. Я должна снять оставшиеся деньги с кредитной карточки, пока её не заблокировал мой отец. Нисколько не сомневалась, что он сделает это в надежде на то, что я вернусь исполнять его поручения, как побитая собачонка.

Я не вернусь. Если не ошибаюсь, на моём счету должна оказаться солидная сумма, которую отец перечислил на расходы адвокату. А деньги сейчас мне очень пригодятся, чтобы прожить в Москве, пока я буду проводить собственное расследование.

Я подошла к окошку и протянула кредитную карточку симпатичной девушке.

– Я бы хотела снять некоторую сумму.

– На входе есть банкомат, – равнодушно заметила она, ткнув куда-то за окно длинным ногтем, покрытым красным лаком.

– Мне бы не хотелось делать это на улице, – тихо сказала я.

Она с неудовольствием посмотрела на меня и взяла карточку.

– Какую сумму вы желаете снять?

– Всю, – выдохнула я, мысленно подгонял её. Мой отец мог в любой момент заблокировать счет.

После некоторых манипуляций с картой на её кукольном, накрашенном личике отразилось нечто, похожее на уважение, впрочем, быстро сменившееся завистью. Она внимательно посмотрела на меня, что-то прикидывая.

– В нашем банке нет столько наличности. Нужно заказывать заранее.

– Хорошо, тогда откройте новый счёт на моё имя и перегоните туда деньги. Это вы можете сделать? И побыстрее, я тороплюсь.

– Да, сейчас.

У неё на столе зазвонил телефон, и она с кем-то долго разговаривала, а я чувствовала, что начинаю терять терпение.

И всё-таки бог оказался на моей стороне, и мы успели перевести деньги на мой новый счёт. Я выбросила карточку в урну и испытала тайное злорадство, что в этот самый момент отец получил сообщение о том, что с моей, а точнее с его карты, перечислены все деньги.

Я вышла на улицу и вновь бесцельно побрела по улице, пока не оказалась на Патриарших прудах. Боль от утраты вновь захватила меня. Больше никогда мы с Андреем не придём сюда и не посидим здесь на скамейке.

Я вытерла скатившуюся по щеке слезу. Куда же мне пойти? В отель возвращаться не хотелось. Мой взгляд упал

на открытое кафе рядом с рестораном. Спустилась по ступенькам к самому пруду, села за столик и заказала пиво. Официант принёс запотевший бокал. Было ещё слишком рано для посетителей, я сидела совершенно одна и думала, что делать дальше. А потом мои мысли вернулись к тому дню, когда отец отправил меня в Москву.

Когда Роман Фёдорович вошёл в кабинет, где я работала, мой взгляд метнулся на часы, висевшие на стене. Неужели уже пришло время ланча? Только я могла сварить ему тот кофе, который ему нравился. Ещё одна почётная обязанность, которую навесил на меня отец, несмотря на то, что это могла сделать секретарша.

– Будешь кофе?– я привычно метнулась к кофеварке.

– Сядь. – Он махнул рукой. – Нужно поговорить.

– Да? – Я послушно опустилась на стул, быстро перебирая в уме те просчёты в работе, которые могла допустить. Неужели это из-за нашего нового клиента, с которым была недостаточно внимательна? Или я не успела проверить оплату счетов?

– Элоиза, ты едешь в Москву.

– В Москву? – как попугай повторила я, потому что много лет мечтала об этом, но каждый раз у отца находилась веская причина, чтобы меня не отпустить. Я читала всё, что могла достать о России. Эта странная огромная страна будоражила моё воображение. Возможно, в этом виновата моя мать

с её рассказами. Моя бедная мамочка, которая так и не смогла прижиться в чопорном Париже. Слишком часто я заставляла её за рассматриванием старых фотографий, слишком часто ей снились сны, после которых она плакала. Конечно, она задыхалась с моим деспотичным отцом, который всю жизнь считал, что облагодетельствовал её. Всю жизнь, до тех пор, пока не нашёл её мёртвой в их супружеской кровати. Она выпила упаковку снотворного.

Думаю, отец чувствовал себя виноватым. После её смерти он совсем замкнулся и стал обращаться со мной ещё строже, чем раньше.

Роман Фёдорович сел напротив меня и нетерпеливо застучал пальцами по столу, это означало, что он волновался.

– Конечно, было бы лучше поехать мне, – наконец, начал он. – Но ты знаешь, сколько у меня переговоров. Надеюсь, ты справишься. Имей в виду, это дело чести нашей семьи. Сейчас, когда Борис умер, надо заявить о своих правах на наследство. Иначе это сделает его гадёныш, которого он усыновил.

– Зачем ты так, отец? – удивилась я.

– Надеюсь, ты помнишь, что мой братец Степан опозорил нашу семью и примкнул к революционерам? Он, видите ли, считал, что иметь капитал неприлично, верил в эти бредовые идеи марксизма-ленинизма о братстве-равенстве. В общем, эта история глубоко ранила моего отца. Я уже не говорю о его

матери, которая не смогла пережить такого предательства. Я хорошо помнила эту давнюю историю, хотя в моей семье о ней говорили редко. Но уж если вспоминали, то каждый раз с ненавистью, несмотря на прошедшие годы.

– Неужели вы так и не встречались с братом? – осмелилась спросить я.

– С кем? С этим подонком? О чём ты, Элоиза? Я ненавижу эту страну за то, что она сделала с нашей семьёй.

Я вздохнула, думая о том, что наша семья, несмотря на революцию, осталась богата.

– Ладно, объясняю суть дела. Борис, уж не знаю какими путями, смог оформить на себя особняк, который строил ещё твой дед Фёдор для своей семьи. Как только в России случилась перестройка, я всеми путями пытался вернуть наш дом. Мои люди работали над этим вопросом. И вот однажды мне сообщили, что особняк выкуплен какой-то фирмой. Я продолжил расследование и обнаружил, что учредителем этой фирмы является Борис. Ты можешь представить себе весь цинизм положения?

– Может быть, Степан пожалел, что связался с революционерами и поссорился с семьёй?

– Не выдумывай! – оборвал меня отец. – Ты просто начиталась книг. Стёпка был ещё щенком, когда всё это произошло. Он и понимать ничего не мог в то время. Да и с годами не поумнел. Но это не важно. Наша задача вернуть фамильный дом. Они там музей какого-то писателя, кстати, тоже ре-

волюционера, устроили. В нашем-то доме?!

Тогда нас прервали. Отец ушёл на переговоры, а я стала готовиться к отъезду.

Глава 3

После изумительной прогулки по ночной Москве, Андрей привёл меня к отелю «Марко Поло». Мне не хотелось уходить, несмотря на усталость. Казалось, никогда в жизни я не была так счастлива. Мне понравилась Москва, и, к своему ужасу, я осознала, что за несколько часов успела влюбиться в Андрея. И это было так не похоже на меня и так опрометчиво, что я чувствовала, я даже не могла бы описать, что чувствовала.

– До свидания, Лиза, – его мягкий голос обволакивал и успокаивал. – Надеюсь, мы ещё встретимся. Что ты делаешь завтра?

– Завтра, – повторила я, словно старалась что-то припомнить, хотя на самом деле просто пыталась скрыть радость: ведь я понравилась ему, если он хочет со мной встретиться. – Завтра у меня деловая встреча днём, а потом свободна.

– Ты здесь в командировке?

Весь вечер у меня чесался язык, рассказать Андрею какое отношение я имею к особняку Петушинских. Я вздохнула. Дольше скрывать не имело смысла.

– Мне нужно кое в чём признаться. Дело в том, что Фёдор Петушинский мой дедушка, – начала я. – По лицу Андрея

сразу пробежала тень, он выпустил мою руку и отшатнулся, словно он получил пощёчину.

– О Господи, я должен был догадаться: Элоиза, Париж. Какой же я дурак. А я ведь подумал, что вы и на самом деле заинтересовались музеем. – Андрей снова перешёл на «вы», словно и не было вечера, проведённого вместе. – Так, неужели всё это было игрой? Зачем вы это сделали?

Я молчала: тоненькая ниточка симпатии между нами порвалась, и после моего признания новый знакомый видел во мне только врага, который хотел лишить его наследства.

– Но это же вы пригласили меня осмотреть дом. Знаете, мне даже не пришло в голову, что вы и есть тот самый человек, который ... – я замялась. – Я даже имени вашего не знала.

– Неужели? – Андрей прищурился. – Вы не знали моего имени?! Ваш отец никогда не упоминал его в разговоре.

– Нет.

– Не врите.

– Я не вру.

На самом деле мой отец называл его обычно «подонок» или «урод».

Андрей покачал головой. Он избегал смотреть мне в глаза, вид у него был, как у обиженного ребёнка, – он хотел сделать приятное, а его обманули, но я ни в коей мере не хотела его обидеть. Но нужные слова не шли у меня с языка. Я, в общем-то, чёрствый человек, жалеть не умею. Извиняюсь

с трудом, – отец внушил мысль, что мы особенные. Пауза затянулась, и когда я начала, было уже поздно.

– Поверьте, Андрей, я...

Он поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза.

– Не надо, Элоиза. Я всё понял. Вы приняли меня за дурака. Ваша роль была сыграна мастерски. Хотя не знаю, зачем вы так старались. С вашими-то деньгами вы можете устанавливать собственные правила. Возможно, правда, что вам, как и многим богатым дамочкам стало скучно, и вы решили развлечься. Всего вам хорошего. Увидимся у адвоката.

Он повернулся и исчез в темноте, прежде чем я успела что-то сказать. Вздёрнув подбородок, я вошла в отель, стараясь не расплакаться. Ещё не хватало, чтобы кто-нибудь увидел слёзы «богатой дамочки».

Я проснулась от звонка. Женский любезный голос, сообщил, что меня ждут в вестибюле.

– Кто? – удивилась я.

Она прикрыла трубку и спросила:

– Как вас представить? Андрей?

– Скажите, что я сейчас спущусь, – бросила я в трубку и бегом побежала в ванную. Сборы заняли у меня всего пять минут. Так я боялась, что он уйдёт.

– Лиза!

– Андрей!

– Простите меня. Я не спал всю ночь. Я думал о вас, о на-

шем вечере. Я понял, что вы не смогли бы притворяться.

– Мы уже решили, что будем на «ты», – мягко сказала я, стараясь не смотреть на него слишком преданно и не улыбаться так глупо.

– Да, но тогда я не знал, кто вы.

– А мне показалось, что вы не делаете различий между людьми.

– Это так. Но ведь мы оказались врагами. А я меньше всего хотел бы этого. Зачем Роман Фёдорович послал вас?

– Вы жалеете, что встретились со мной?

Наверно, мой голос звучал так жалобно, что его лицо просветлело, а губы дрогнули в мальчишеской улыбке.

– Мы условились на «ты».

– Но я тогда не знала, что мы враги.

Андрей засмеялся, взял мою руку и поцеловал.

– А, знаешь что, Лиза, к чёрту всё это. Сегодня хороший день, светит солнце. Пойдём завтракать. Здесь рядом есть кафе, где варят чудесный кофе. А пирожные просто восхитительны.

В этом был весь Андрей. Он всегда старался решить проблему мирным путём.

– Конечно. Я только поднимусь за сумкой. Ты не исчезнешь так же внезапно, как появился?

Он покачал головой и уселся на диван.

Проходя мимо девушки за стойкой, я поймала её взгляд,

устремлённый на Андрея, она не сводила с него глаз. Девушка показалась мне хорошенькой и молодой, и я вдруг почувствовала себя старой. В номере перед зеркалом я рассматривала своё лицо и не находила в нём ни одной привлекательной черты. Ну, может, только глаза. Я вздохнула: и в молодости не была красавицей, а уж теперь-то и вовсе. Пригладила выбившийся из пучка завиток и поправила лацкан строго пиджака кремового цвета. Посмотрела ещё раз на своё отражение: пожалуй, единственный плюс в том, что с возрастом я не поправилась.

Конечно, когда я вышла, Андрей стоял у стойки, и девушка кокетничала с ним. Он улыбался и с интересом слушал её болтовню. Я подумала, что она уже сунула ему свой телефон. Они казались мне такими молодыми и беззаботно-счастливыми. Как бы хотела я отдать свои сорок лет скучной обеспеченной жизни и начать всё заново. Если бы кто-то знал, как я завидовала этой девчужке, которая с завистью бросила взгляд на моё дорогое кольцо, когда я отдавала ей ключ от номера. Эх, милая, если бы ты знала, как ценна молодость и свобода. И если бы ты получше узнала мою жизнь, то перестала бы завидовать.

Мы допивали по второй чашке кофе, когда мне позвонил адвокат, с которым вел дела мой отец, и с которым я должна была встретиться в Москве и сообщил, что заболел. Он очень просил дождаться его выздоровления, потому

что потратил столько времени на наше дело и точно знал, как его выиграть. Он говорил что-то ещё, но я его не слушала. Задержка давало мне время разобраться и сделать собственные выводы.

Я заверила адвоката, что мы обязательно его дождёмся. Возможно, мой отец будет искать кого-то другого, но за это время я смогу провести собственное расследование. Андрей оказался мне совсем не таким, как утверждал отец. Он совершенно не был похож на человека, который обманным путём решил завладеть чужой недвижимостью. И, вообще, во всей этой истории что-то не сходилось. К тому же я по-прежнему не понимала, зачем нам этот особняк в Москве, – фамильный дом, в котором ни я, ни мой отец никогда не жили и жить не собирались, – у нас двоих итак слишком много недвижимости.

Я бросила телефон в сумку и посмотрела на Андрея, деликатно отвернувшегося к окну.

– Звонил Владимир Иванович, наш адвокат – начала я.

Андрей нахмурился.

– Во сколько встречаемся?

– Владимир Петрович сломал ногу, поэтому встреча откладывается.

– Мне жаль, но передышка нам кстати, правда? – Он коснулся моей руки. – Нам нужно узнать друг друга лучше.

Бог знает, что он вкладывал в эти слова, но моё глупое сердце уже забилося. Я отхлебнула кофе, чтобы он не заме-

тил моего смущения.

– Лиза, я не хочу бороться с тобой. И, тем не менее, я не могу позволить твоему отцу выиграть это дело. Ведь если он получит этот дом, он продаст или сдаст в аренду какому-нибудь банку и здесь больше не будет музея.

Я знала, что Андрей прав, хотя мой отец терпеть не мог подобные заведения. Он всегда говорил, что только чудачки ходят смотреть на чужие носки, выставленные на всеобщее обозрение. И, вообще, какое дело в какой постели спал, например, Лев Толстой? Читайте его книги и не лезьте в личную жизнь.

– А если, предположить, что особняк достанется тебе, что ты с ним сделаешь?– спросила я, впиваясь глазами в лицо Андрея, чтобы не пропустить ни малейшей

– Оставлю всё как есть. Единственное, что хотелось бы оставить за собой право присматривать за особняком. Возможно, я нашёл бы спонсоров, здание давно не ремонтировалось.

– Ты хочешь оставить в нём музей?

– Конечно. Хочу, чтобы учителя по-прежнему приводили туда школьников. Я бы даже отменил входную плату. Кроме того, я бы поставил ещё несколько стендов, чтобы рассказать об истории дома, о семье Петушинских, о которой сейчас очень мало информации. Наверно, здесь мне бы потребовалась твоя помощь. Ну и, конечно, мне бы очень хотелось

рассказать историю Степана.

– В нашей семье Степана, твоего деда, считали предателем и старались о нём не говорить. Хотя я уверена, что он верил в то, что делал, если решился пойти против своей семьи, к которой был привязан.

– Степан жил этим, – грустно подтвердил Андрей, – он не сомневался, что революция изменит мир и до конца дней сожалел, что так и не смог найти способ попросить прощения у родных. После перестройки дед понял, что ошибся в революции, мы вернулись к капитализму, с которым он боролся. Он говорил об этом чуть ли не со слезами, считал, что ему была отпущена такая длинная жизнь, чтобы он испил свою чашу страданий до дна. Когда в девяностые годы оказалось, что можно чуть ли не за копейки приобретать недвижимость, отец смог оформить, чтобы особняк числился за его фирмой, а потом и вовсе переоформил право собственности на себя.

Я молча слушала его, думая о Степане. Откуда же у меня всё-таки это чувство, что я его знала.

– Андрей, а Степан когда-нибудь приезжал в Париж?

– Конечно, нет. До перестройки у нас был «железный занавес».

– Но некоторые же ездили, например, в командировки?

– Его бы никогда не выпустили, потому что у него были родственники за границей. В тридцатые годы он всё время боялся, что за ним придут, но всё обошлось.

Я верила каждому слову Андрея, – не был Степан ни подонком, ни предателем. Жаль, что его постигло такое разочарование в деле, ради которого он стольким пожертвовал.

Андрей отвлёкся на звонок мобильного телефона, а я вновь вспомнила то странное ощущение, которое испытала в музее: расположение комнат, которое я без труда нарисовала, потому что знала, фотографию Степана, упавшая мне под ноги. Вечером я долго вглядывалась в его лицо, напрягая память, но, видимо, обстановка в номере гостиницы мало способствовала этому. Возможно, что-то я смогу понять, если ещё раз приду туда. От одной мысли об этом я почувствовала, что, несмотря на тёплый день, покрываюсь мурашками. Андрей положил телефон в карман и пристально взглянул на меня:

– Что ты почувствовала вчера, когда мы вчера были в доме? Сейчас ты можешь об этом рассказать?

– Я уже тебе говорила – у меня возникло дежавю, – нервно улыбнулась я. – Мне показалось, что я очень часто бывала в этом доме, приходила к Степану. Когда я увидела его портрет, сразу поняла, что знаю его. Я уже начинаю думать, что потихонечку схожу с ума.

– Лиза, с тобой всё в порядке. Просто Степан, как бы это тебе сказать, он существует. – Чашка с остатками капучино выпала из моей руки и разбилась на полу. К нам быстро подскочила уборщица и начала вытирать коричневую лужицу.

– Существует?! – почти выкрикнула я, не обращая ника-

кого внимания, что посетители за соседним столиком поглядывают в нашу сторону. – Что ты имеешь в виду? Ты же сказал, что он умер.

– Я имею в виду его душу.

– Душу?

– Да, душу. – Андрей смотрел на меня с вызовом. – Его душа осталась там, в этом доме. И вполне возможно, поэтому и упала его фотография, когда ты вошла. Наверно, дед хотел показать тебе, что он здесь. Возможно, он ждёт тебя, чтобы объясниться. Ведь ты Петушинская.

Ждёт, чтобы объясниться? Да как такое может произойти? Я почувствовала, что мне не хватает воздуха и поднялась из-за стола.

– Мне нужно на воздух, – пробормотала я и, выскочив из кафе, почти бегом побежала в сторону гостиницы.

Андрей догнал меня уже на углу. Я хотела убежать от него, от себя, от всего того, что мучило меня и не давало покоя. Я привыкла жить обычной жизнью. Мой каждый день был похож на предыдущий: работа, дом, забота об отце. В Москве со мной начали происходить вещи, суть которых я не могла уловить и боялась в них разбираться.

– Лиза, я не хотел вас напугать, – когда Андрей волновался, он всегда переходил на «вы». – Я не должен был об этом говорить. Вы должны сами прийти к этому.

Я резко остановилась, и он чуть не налетел на меня.

– Прийти к чему?

– К тому, что Степан существует, и что вы с ним связаны. Ваш приезд не случаен. Я почти уверен, что дедуля хочет что-то сказать.

– Да что ты несёшь?

– Поверь мне, Лиза. Просто поверь.

Вид у Андрея был несчастный, но он не сдавался, хотел меня убедить.

– Послушайте, Андрей. Мне кажется, что мы не должны затрагивать эту тему. Если вы хотите, чтобы мы общались.

Внезапно я поняла, что именно сейчас была копией своего отца. Точно таким же холодным тоном, он запрещал мне говорить о матери. Именно поэтому я тоже стала обращаться к Андрею на «вы». Хотела поставить его на место.

Андрей с удивлением смотрел на меня.

– Знаете, Лиза, я никак не пойму: какая же вы настоящая. Впадаете из искренности в надменность так легко, словно в вас борются два человека. Будьте сама собой.

– Держите при себе ваши дурацкие советы! – холодно заметила я.

– Ладно. Я вам надоел?

Я сразу пришла в себя – он выглядел обиженным.

– Господи, конечно, нет, – на моих глазах выступили слёзы. Кажется, в этом городе я превращаюсь в истеричку. – Я просто не могу сейчас думать об этом. Я материалистка. Я тело. Я не верю, что душа существует. Есть только эта жизнь, а после – ничего. А ты вгоняешь меня в разлад

с самой собой.

– Прости, – Андрей достал из кармана платок и протянул мне. А потом сделал именно то, что я хотела: он обнял меня. – Я не буду говорить об этом, пока ты сама не захочешь. Пойдём, посидим на скамейке на Патриках. Я люблю Пруды по утрам – в это время там почти никого не бывает.

Я уже не помнила, о чём мы разговаривали, когда сидели у самой воды, наблюдая за парочкой белых лебедей, окружённых свитой рыжих уток. Помню лишь, что спросила его, почему, если всё-таки дом достанется ему, он не будет его продавать.

Андрей улыбнулся.

– Меня не интересуют деньги.

– Не интересуют деньги? – удивилась я. – По его одежде я уже могла предсказать, что он далеко не богат.

– Ты хотя бы представляешь, сколько может стоить этот особняк в центре Москвы? Ты мог бы обеспечить себя и свою семью на всю жизнь.

– Зачем мне это? У меня нет семьи, а мне самому вполне хватает того, что я зарабатываю.

– Но ведь когда-нибудь ты захочешь иметь семью, детей. Ты нравишься женщинам. Я видела, как они на тебя смотрят. – От вылетевшего помимо моей воли комплимента пришлось прикусить язык. Веду себя так, словно имею на него какие-то права. Да что он может подумать?

– У меня была когда-то семья. Но моя жена не захотела

жить в коммуналке.

– Это ерунда. С тобой можно жить где угодно.

Я сказала это так горячо, что Андрей недоверчиво покопился на меня, подумав, не издеваюсь ли я над ним.

– И всё-таки единственная женщина, которую я любил, не смогла. Она стала настаивать на размене, а я не мог это сделать из-за соседей.

– Они были против разъезда?

– Я не стал и никогда не стану их спрашивать, я считаю их своей семьёй. К тому же они уже старенькие и скоро за ними понадобится уход.

– То есть ты хочешь, чтобы потом после их смерти тебе досталась вся квартира? Ну что ж, это разумно.

Андрей посмотрел на меня с таким презрением, что я опять пожалела о своих словах.

– Да как ты могла такое подумать?! Я же сказал, что они моя семья.

– Прости. Ты связался не с тем человеком, я слишком эгоистична.

Он взял в ладони моё лицо и долго смотрел на него. В этом жесте не было ничего сексуального. Скорее он хотел заглянуть внутрь меня. Понять меня. Понять, почему я стала такой.

– Ты хорошая, – сказал он, наконец, отпуская меня. – Просто не знаешь себя. И, извини меня, прожить всю жизнь с таким чудовищем, как твой отец и не перенять что-то у него,

невозможно.

Я хотела бы обидеться на его слова, но не могла: знала, что он прав. Именно поэтому и ушла из жизни моя мать. Она не смогла найти в себе сил, чтобы жить. Даже ради меня. И я её не обвиняю.

– И всё же, Андрей, неужели ты не смог найти какой-нибудь компромисс с женой? Объяснил бы ей, как тебе дороги эти люди.

Андрей грустно улыбнулся.

– Ты разве не знаешь, что теперь творится с женщинами? То, что происходит сейчас совершенно неправильно. Женщины потеряли самое ценное, что у них было.

– И что это?

– Желание быть матерью.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь.

– Нисколько. Как правило, каждая хочет выгодно выйти замуж, проводить время в салонах красоты, тусоваться среди себе подобных и путешествовать. Речь о детях даже не встает. А если они и рожают детей, то нанимают гувернанток и нянь. Современным женщинам некогда воспитывать детей: у них фитнес, массаж и прочая ерунда. Ах да, совсем забыл, некоторая из них часть пытается каким-то образом сделать карьеру, а точнее научиться зарабатывать денег.

– Но что в этом плохого?

– А что хорошего? Женщины обрастают вещами, квартирами, дачами, драгоценностями и сами становятся подобием

вещи. От них нет тепла, они не могут его отдавать, внутри них пусто. Вот, Лиза, скажи, почему ты не родила ребёнка?

– Я... Не знаю. У меня не было мужа.

– Ну и что? Насколько, я знаю, у тебя нет финансовых проблем. Ты можешь позволить себе не работать. Во всяком случае какое-то время. Может, дело в том, что ты не хотела себя связывать?

Какое-то время я молчала, раздумывая над его словами. Действительно почему всю жизнь я принимала противозачаточные таблетки, опасаясь беременности, как огня?

– Знаешь, наверно, ты прав. Я не хотела детей.

Андрей горячо продолжил:

– Когда Люба забеременела, я просил её оставить ребёнка. К тому времени, мы уже оба поняли, что не сможем жить вместе. Я умолял её не совершать поступка, о котором она пожалеет. Я бы вырастил малыша и один. Она могла оставить за собой право появляться, когда захочет или забыть о нашем существовании. Я готов был на всё. Но Люба сказала, что не хочет, чтобы нашего малыша воспитывал такой сумасшедший, как я. Мужчины в этом случае бесправны.

Он посмотрел на меня с такой грустью, что у меня заныло сердце. Я жала его руку.

– Мне жаль.

– Ничего, – он отвернулся, вытащил сигарету из пачки. Молча курил, думая о прошлом. Казалось, он почти забыл о моём существовании, а я не находила слов, чтобы его уте-

шить.

Я обрадовалась, когда у Андрея зазвонил мобильный, и он, разговаривая с кем-то, отвлёкся от своих мыслей.

После разговора он повернулся ко мне с улыбкой, его лицо вновь стало светлым и безмятежным:

– Есть хорошее предложение. Баба Настя, – у меня же бабушек не было, вот я её так и прозвал, – испекла блинов и приглашает нас позавтракать. Пойдём?

Я молча кивнула. Честно говоря, я сгорала от желания увидеть ту самую коммуналку, где он жил. Да и, вообще, была готова идти с Андреем куда угодно.

– Видишь, они тоже заботятся обо мне. Как я могу поднять вопрос о размене?

– А у тебя много соседей?

– Одного ты уже видела – сторож музея, дядя Саша, баба Настя его жена. У них нет своих детей, поэтому они приняли меня, как родного с самого первого дня. Хотя, конечно, как рассказывал отец, я частенько не давал им спать по ночам – такой вот был беспокойный ребёнок.

Глава 4

Баба Настя оказалась приятной женщиной с круглым розовощёким лицом и дородным телом, придававшим ей солидность. Андрей нас познакомил, и они оба сразу начала хлопотать у стола, пока я, предоставленная самой себе, разглядывала обстановку: отмытая до блеска маленькая кухонька, на бежевых крашеных стенах дешёвые шкафчики для посуды, в углу старенький шумный холодильник. Развернуться негде, всё свободное место занимает квадратный стол, вокруг которого уютно расположен мягкий угловой диванчик, на который меня посадили.

Сначала баба Настя посматривала в мою сторону с опаской, пока Андрей не перехватил её взгляда и не пояснил.

– Баба Настя, не смотрите на Лизу, как на врага. Она вовсе не думает претендовать на меня. В тех кругах, где она вращается в Париже, совершенно другие мужчины. Я по сравнению с ними выгляжу похожим на конюха. – Он рассмеялся своей шутке.

Пожилая женщина вытерла руки об фартук и недовольно покачала головой, с любовью оглядывая Андрея.

– Говорила тебе, что надо другую рубашку одеть. А ты не стал ждать. Я бы погладила.

– Баба Настя, причём здесь рубашка? Какую ни надевай, всё равно рядом с Лизой, я нищий.

– Ты не нищий, а очень приличный жених. – Баба Настя посмотрела на мой кремовый костюм с неодобрением. – Может вам, полотенечко постелить, а то не ровен час, испортите. Костюмчик-то небось сотню баксов стоит.

Костюмчик стоил порядка трёх тысяч евро, но я не стала об этом говорить. На самом деле мне он не очень-то нравился, сама бы я его не купила. Моим имиджем занималась одна из папиных знакомых дизайнеров, в этой области отец был непреклонен. «Ты должна выглядеть сообразно своему статусу и положению», – твердил он и я, в конце концов, смирилась.

– Успокойся, баба Настя, лучше садись с нами, – услышала я спокойный голос Андрея. – А то ты всё суетишься. – Он посмотрел на меня с лёгкой извиняющей улыбкой.

Я вовсе не сердилось, наоборот, ругнула себя, что вырядилась.

Блины оказались замечательными и, оставив по примеру Андрея, нож и вилку, я ела их руками, сворачивая в трубочку и щедро поливая домашним клубничным вареньем.

Мы с Андреем о чём-то говорили, а Баба Настя, всё-таки расстелив полотенце на моих коленях, помалкивала, не сводя с меня выцветших голубых глаз. Думаю, что позже она потребует у Андрея объяснений, кто я такая и каким образом оказалась у них в гостях.

После выпитой третьей чашки крепко заваренного чая, Андрей поднялся.

– Спасибо, баба Настя. Всё было отлично, как всегда. Мы пойдём ко мне. Кстати, Варвара дома, мне надо ей кое-что сказать? – Баба Настя посмотрела на часы и вдруг всплеснула руками.

– Ах ты, батюшки, а ведь она меня просила её разбудить ещё час назад. А у меня с вашим приходом из головы-то и вылетело. Ну всё, теперь она на экзамен опоздает.

– Я сам её разбужу. – Андрей вышел в длинный коридор и постучал в закрытую дверь по левую сторону. Сама не знаю почему, я последовала за ним.

– Варя, можешь не вставать, экзамен ты проспала.

Через секунду в дверях появилась заспанная девушка с распущенными волосами в розовой пижамке. Тонкая бретелька съехала с округлого плеча, а короткие шортики открывали стройные загорелые ноги. Она протирала заспанные глаза, совершенно не стесняясь своего откровенного наряда.

– Андрей, не шути так. Сколько сейчас время?

– Достаточно много, чтобы выпить шампанского вместо экзамена.

Девушка, а к моему разочарованию, она была прехорошенькая, ткнула его кулачком в грудь.

– Какое шампанское?! Сегодня матан сдаём.

– Тогда поспеши, баба Настя время опять перепутала. Твой экзамен, наверно, уже закончился.

Девушка ойкнула и захлопнула дверь перед нашим носом.

– Варька – студентка МГУ, – зашептал мне Андрей. – Приехала из Воронежа. Поступила без всякого блага и репетиторов на математический факультет. Не голова, а компьютер, но как все математики, крайне не собрана. Зачем было просить разбудить бабу Настю, если можно поставить будильник на мобильном? – Он пожал плечами. – Я её не понимаю. И всё-равно ведь, несмотря на всю свою рассеянность, одни пятёрки получает.

Андрей остановился ещё перед одной закрытой дверью.

– Сюда заходить не будем – дядя Саша ещё спит после ночного дежурства. А вот и моя комната, – он распахнул дверь. – Милости прошу.

Я вошла и замерла посередине. Книжный шкаф занимал целую стену, у окна письменный, полированный стол, в нише приютился низенький диванчик с подушками. Представила, как Андрей спит, подложив руку под щеку, и покраснела. В воздухе ещё витал аромат его туалетной воды. Я жадно смотрела по сторонам, пытаясь делать выводы: он аккуратен, любит читать. Прошла к окну: передо мной во всей красе предстала площадь Никитских ворот и та самая церковь, в которую я заходила. Вспомнила, как вчера неожиданно для себя, я опустилась на колени перед иконой Божьей матери и прочитала «Отце наш»: молитву, которую, до сих пор была убеждена в том, что не знаю наизусть. И там опять на меня нахлынуло это непонятное ощущение, что я здесь была. Я отшатнулась от окна.

– Что с тобой? Голова закружилась?

– Никак не могу понять, что со мной происходит в этом городе.

– Присядь. – Андрей подвел меня к дивану, сам примостился напротив на вращающемся кресле. – Ну, вот ты и увидела почти всю мою семью, – начал он после небольшой паузы. – Теперь ты понимаешь, почему я не смог поставить вопрос о размене?

– Да, понимаю. Баба Настя любит тебя.

– Как я уже говорил, она помогала отцу и деду меня растить. Моя мать умерла при родах, и отец воспитывал меня один с пелёнок. Трудно сказать, что было бы, если бы не помощь бабы Насти. Я рос болезненным ребёнком, часто простужался, не ходил в сад. Она сидела со мной.

– Расскажи мне о своей семье, – попросила я.

– О своей? – Андрей улыбнулся. – О нашей, Лиза. – Хотя ты, пожалуй, права, это не моя семья по крови. Когда родители познакомились, мать была уже беременна от другого. Она не хотела рассказывать отцу и собиралась сделать аборт, но он догадался и убедил её оставить ребёнка. Для него это не имело большого значения, в конце концов, это прошлая история, и он был готов принять меня, как родного сына. К тому же, они собирались иметь ещё детей, но роды оказались очень тяжёлые, и врачи не смогли её спасти. Моё рождение стоило жизни моей матери и счастья моего отца: он так больше и не женился. И поверь мне, я никогда не за-

бываю об этом, – лицо Андрея стало мрачным и почему-то ещё более красивым.

– Ты не виноват. Такое случается, – выдавила я из себя.

– Знаю и тем не менее. Может быть, поэтому я так и люблю жизнь, потому что, если бы не благородство моего отца, я так бы и не увидел этот мир. Или вполне мог увидеть его в детском доме. Отец вовсе не обязан был посвящать свою жизнь чужому ребёнку.

– Странно, что он рассказал тебе об этом.

– Он рассказал мне об этом незадолго до смерти. Вероятно, предполагал, что когда возникнет вопрос о наследстве, его брат, твой отец, может докопаться до сути. Одна грамотно сделанная экспертиза и всё станет ясно.

– Но ведь по документам, он является твоим родным отцом.

– Да.

– Тогда в чём же дело?

– Адвокат, который занимается этим делом, разыскал каких-то общих знакомых, которые и подтвердили тот факт, что моя мать забеременела ещё до встречи с моим отцом.

– Закон одинаков и для родных детей и для усыновлённых.

– А ты думаешь, зачем твой отец нанял адвоката? Чтобы доказать, что мой покойный отец оказался подло обманутым моей матерью и прожил всю жизнь, не зная, что он воспитывает чужого ребёнка.

– Но он же всё знал и пошёл на это по доброй воле?

– Сейчас он уже не сможет ничего подтвердить. А им будет выгоднее доказать, что его одурачили. Во всяком случае, мне так адвокат рассказал.

– Но неужели мой отец будет вытаскивать всю эту историю на суде?

– Конечно, будет. Ты забываешь, что речь идёт об уникальном особняке, построенном одним из лучших архитекторов, и стоящем миллионы. В конце концов, это культурное наследие, которое не оставят в руках незаконнорожденного. Так что у меня нет голубой крови Петушинских, – усмехнулся Андрей. – И мы с тобой родственники только по бумагам, и соответственно, можем без осуждения вступать в любые отношения.

Я покраснела. Сама не знаю почему, но тоже обрадовалась. Мысль о том, что меня переполняет страстное желание обнять моего племянника, заставляла меня чувствовать себя старой развратницей. Итак, мы не кровные родственники, а просто мужчина и женщина. Осталась лишь маленькая разница в десяток лет.

– Почему ты рассказал мне об этом?

– Хотел, чтобы ты узнала обо всём от меня, а не от адвоката. Да и потом, когда я тебя увидел, почувствовал... – Андрей посмотрел мне в глаза. – Лиза, мне сложно говорить об этом, но ты... Если бы я знал, что ты правильно всё поймёшь...

Возникла неловкая пауза. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы он пересел ко мне на диван и поцеловал меня. И так же ясно я понимала, что если он это сделает, я пропала. Мы молча смотрели друг на друга, не решаясь и не поощряя друг друга. Слишком многое стояло между нами, чтобы просто отдаться своему чувству. Стук в дверь стал для нас разочарованием и освобождением.

Хорошенькая Варька, одетая в футболку и брючки, сидящие на ней, как вторая кожа возникла на пороге комнаты. С фигуркой, надо признаться, ей очень повезло.

– Извините, я не помешала? Представляешь, Андрюш, экзамен перенесли. Староста позвонил, оказывается, препод заболел.

– Значит, хорошо, что ты выпалась. Заходи, что ты стоишь там?

Варька кинула на меня враждебный взгляд и не двинулась с места.

– Мне надо идти, – она помедлила, поправила пушистые распущенные волосы, стрельнула подкрашенными глазками в Андрея. – Ты будешь вечером дома?

– Пока не знаю. А что ты хотела?

– Просто так. Ладно, пока. – Она убежала, но один взгляд, брошенный на неё, вновь заставил меня почувствовать себя старой. Вот с кем надо встречаться Андрею. Девушка, вне всякого сомнения, влюблена в него.

Андрей прикрыл дверь и нерешительно повернулся

ко мне. Я поспешно встала с дивана.

– Пожалуй, будет лучше, если я тоже пойду.

– Пойдём вместе. – Он посмотрел на часы. – Ох, я уже опаздываю на урок.

– На урок?

– Да, на урок. Я же не сказал тебе, что подрабатываю тем, что даю уроки. А точнее живу уроками.

– И что же ты преподаёшь?

– Алгебру, геометрию, физику. Готовлю к поступлению в институты.

– Тебе это нравится?

– Да, вполне. Это лучше, чем сидеть с утра до вечера в офисе. К тому же мне нравится видеть результаты своей работы. Мои ученики всегда поступают туда, куда хотят.

Мы вышли на Большую Никитскую.

– Чем займёшься? – спросил Андрей.

– Просто погуляю.

– Постарайся не очень устать. Вечером я хотел бы сводить тебя в одно местечко.

– Вечером тебя ждёт Варя, – напомнила я и чуть не прикусила себе язык.

– Мы с Варькой просто друзья.

– Меня это не касается, – холодно произнесла я.

– Почему-то мне так не показалось, – он улыбнулся. – Так я позвоню тебе?

– Позвони. – Я круто развернулась на каблуках и прошла

несколько шагов, пока не заметила, что он идёт за мной.

– Лиза, мне тоже в эту сторону. – Его глаза смеялись, он понимал, что ужасно мне нравится, и что я злюсь на себя за это. – И ещё: у меня нет номера твоего телефона.

Мы дошли вместе до метро и обменялись мобильными телефонами. Некоторое время я стояла и смотрела ему вслед, пока он спускался в переход. Честно говоря, я не представляла, что делать без него до вечера.

Глава 5

В ожидании звонка я бродила по Москве, как потерянная. Мне нравился этот шумный бестолковый, но очень красивый город с его церквями в византийском стиле и старинными, чисто русскими особняками. Единственное, что мешало мне наслаждаться новым знакомством, так это неизвестно откуда взявшаяся моя любовь к этому симпатичному парню на добрый десяток лет моложе меня, которому предопределено было стать моим врагом.

Звонок мобильного прервал мои размышления. После нескольких мелодичных трелей и сомнений я всё же взяла трубку, зная по опыту, что отец не оставит меня в покое.

– Здравствуй, Элоиза.

– Здравствуй, отец.

– Как твои дела?

«Пытаюсь справиться с нахлынувшим на меня чувством», – подумала я, но нарочито бодрым голосом, отец терпеть не мог, когда я мямлила, сказала:

– Всё хорошо.

– Ты встретила с адвокатом?

– Он сломал ногу и лежит в больнице.

– Идиот. Именно в тот момент, когда нужно действовать, – раздражённо произнёс отец, судя по всему, не испытывая никакого сочувствия, к травме нанятого им работни-

ка. Впрочем, сочувствием отец никого не баловал. Считал, что во всех своих несчастьях люди сами виноваты. – Если у тебя нет дел, тогда чем ты там занимаешься?

«А вот это лучше тебе не знать», – усмехнулась я про себя.

– Осматриваю достопримечательности.

– А-а, – протянул отец. – Собственно говоря, там не на что смотреть, кроме кремля.

– А мне здесь нравится.

– Ты это.. Будь там осторожна. Знаешь, там, сколько всякого сброда шляется.

– Я не маленькая, чтобы меня предупреждали, – разозлилась я.

– Знаю, но слишком доверчивая. И вечно влипаешь в неприятности.

С этим я была готова согласиться. То, что со мной происходило, явно выходило за рамки здравого смысла. И всё же отцу можно было не тыкать меня носом. Кроме нескольких романов никаких неприятностей я ему не доставляла.

– Послушай, – вдруг решила я, – как получилось, что твой родной брат жил в Москве в коммунальной квартире?

– Как получилось? – Отец замаялся. – Слушай, а откуда ты об этом узнала?

– Не важно. Просто узнала и теперь интересуюсь семейной историей семьи Петушинских.

– Я знаю, кто мог тебе об этом рассказать! Элоиза, это старая история. И я бы не хотел говорить об этом. Это не твоё

дело. Держись подальше от этого подонка.

То, что он назвал Андрея подонком, больно резануло мне уши. Мне он казался одним из самых бескорыстных людей, которых я когда-либо встречала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.